Четвергъ, 21-го февраля 1902 года. ИЗДАНІЯ ГОДЪ ВОСЬМОЙ. Четвергъ, 21-го февраля 190 года.

РУССКОЕ СЛОВО

№ 51 Телефонъ № 1533.

ПОДПИСКА СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ:
На годъ . . . 6 р. — к. | На 3 мѣсяца . 2 р. — к.
„ 1/2 года . . 3 „ 50 „ | „ 1 мѣсяцъ . — „ 75 „
ЦѢНА ОТДѢЛЬНОМУ № 3 КОП.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.
РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА:
Москва, Петровка, рядомъ съ Петровскими линіями, домъ С. Н. Грачева

ОБЪЯВЛЕНІЯ.
Впереди текста—40 коп., позади текста—20 коп. за строку петита.
За перемѣну адреса уплачивается 25 коп.
Контора открыта съ 9 час. утра до 6 час. вечера.

№ 51 Телефонъ № 1533.

Театръ ОМОНЪ. Сегодня, въ четвергъ, 21-го февраля.

Новая боевая пьеса текущаго сезона съ уч. А. С. Полонскаго пред. буд.
«ГЕРОИ МОСКОВСКИХЪ ТРУЩОБЪ».
Пьеса въ 4-хъ дѣйств. Соч. В. П. Валентинова. Режиссеръ М. А. Полтавцевъ. Администраторъ Д. Е. Сидорскій. Директоръ ОМОНЪ.

КОНЦЕРТЪ-МОНСТРЪ. Новость XX столѣтія. **«БІОФОНОГРАФЪ».** Новость XX столѣтія. Выходъ чемпіоновъ геркулесовъ Пандуръ. Выходъ La Belle Лолита, Миссъ Лонни, La Belle Берра, Сесиль Доръ, Etoile Маріалисъ, Пепши Горева, Балла, Дуетъ Корали, Леонарди и др. Реж. Н. Ф. Бутлеръ. Нач. въ 8 ч. в. Касса откр. съ 11 ч. д. Рестор. откр. до 4 ч. у. Анонсъ: 6-го мар. бенеф. распор. А. Мюрата за десятилѣтнюю службу.

МОСКОВСКІЙ **ГОРОДСКОЙ МАНЕЖЪ**
ЕЖЕДНЕВНО съ 17-го по 24-е февраля включительно.
Дирекція Е. Бауэръ. Подробн. см. въ афишахъ.

ГРАНДІОЗНЫЯ КАРРИКАТУРНЫЯ ГУЛЯНЬЯ „ВЪ МІРѢ СМѢХА И ЗАБАВЫ“.
Грандіозное ШЕСТВІЕ. „ОБОЗРѢНІЕ МОСКВЫ ВЪ ЛИЦАХЪ“.
(Дирекція задалась мыслью изобразить все происшедшее прошлаго и текущаго года, въ картинно-каррикатурномъ видѣ, не зло и никого не обижая, затративъ на это зрѣлище массу труда и много денегъ).
ИТАЛЬЯНСКІЙ ЦИРКЪ
Орсто Писсіути.
Наѣздницы, наѣздники, гимнасты, жонглеры, клоуны, рыжіе. Дрессированныя лошади.
Ежедневно новая пантомима.
На открытой сценѣ:
Семейство Григори, Георгій Фабичъ, братья Лорисъ, Вильгельмина, Е. Соловцовъ, М. Кульческо, А. З. Иванова, Ф. Брагинъ, Демидовы, Аполлонъ, В. Днѣпровъ, Вадимовы, Ушнановъ, балалаечники и др. ТРИ ОРКЕСТРА МУЗЫКИ.

Продолжается подписка на 1902 г.
на ежедневную газету безъ предварительной цензуры
„Русское Слово“
(ИЗДАНІЯ ГОДЪ VIII-й).
Въ 1902 году РУССКОЕ СЛОВО ежедневно даетъ
особыя иллюстрированныя приложенія.
Подписная цѣна на газету:
на годъ 6 руб., на 11 мѣс. 5 руб. 75 коп., на 6 мѣс. 3 руб. 50 коп. на 1 мѣс. 75 коп.
ПРИ ПОДПИСКѢ ГОДЪ СЪ ГОДОМЪ НЕ СЛИВАЕТСЯ
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТОЛЬКО на ПОЛНЫЕ МѢСЯЦЫ съ 1-го ЧИСЛА и 1-го
Адресъ редакціи: Москва, Петровка.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„ИСКРЫ“
съ безплатнымъ приложеніемъ 24 портретовъ современныхъ дѣятелей.
на годъ 3 руб., на 1/2 года 2 руб., на 3 мѣс. 1 руб.
Совмѣстно съ газетою „РУССКОЕ СЛОВО“:
на годъ 8 руб., на 11 мѣс. 7 руб. 75 коп., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 2 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 1 руб.

При сегодняшнемъ № „РУССКАГО СЛОВА“ всѣмъ городскимъ подписчикамъ и для розничной продажи прилагается вкладной иллюстрированный листъ, посвященный Н. В. ГОГОЛЮ. Иногороднимъ подписчикамъ этотъ листъ будетъ разосланъ при завтрашнемъ №. Цѣна этого № въ отдѣльной продажѣ 5 коп.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
А. КУНИНЪ и К°.
Москва, Ильинка, Средніе ряды.
ПЛАТИТЪ: по текущему счету простому 4%
„ „ „ условному 4 1/2%
„ вкладамъ на срокъ. 5%
(*Госуд. сборъ за счетъ конторы*).
ВЗИМАЕТЪ: по учету торговыхъ векселей. . . отъ 6 1/2%
„ ссудамъ подъ %% бум. и по „on-call“ . 7%
Покупка и продажа %% бумагъ; исполненіе порученій на биржѣ. Учетъ торговыхъ векселей. Инкассо векселей и желѣзнодор. квитанцій. Ссуды подъ %% бумаги; спеціальные счета „on-call“ подъ бумаги и векселя. Переводы и аккредитивы.
Страхованіе выигрышныхъ билетовъ отъ тиражей погашенія.

СПЕЦІАЛЬНО
МАТЕРІИ
—) ДЛЯ (—
МЕБЕЛИ.
МАГАЗИНЪ ФАБРИКИ имѣетъ большой выборъ матерій всѣхъ сортовъ и стилей. Отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ дорогихъ.
ПРОДАЖА въ розницу по цѣн. фабрики.
Фабриканты Бр. БАЛАКИНЫ,
Москва, Ильинка, прот. Ст. Гостин. двора.
Фирма существ. съ 1835 г.

Театръ „АКВАРІУМЪ“.
1) „Женитьба“. 2) „Ревизоръ“. (См. «Зрѣлища»)

МОСКОВСКІЕ БѢГА
февраля: 22, 24; марта—3-го.

РЕСТОРАНЪ „ЯРЪ“.
Ежедневно концертное отдѣленіе съ 10 час. веч. при участіи въ 1-мъ отдѣленіи: 1) концертнаго оркестра; 2) характернаго танцора г. Терпиловскаго; 3) интернац. пѣв. г-жи Фанни; 4) франц. пѣв. г-жи Вертеръ. Во 2-мъ отдѣленіи: 1) концертнаго оркестра; 2) русскаго хора А. З. Ивановой; 3) комич. жонглера г. Цетъ; 4) черные соловьи г. и г-жа Джонсъ; 5) извѣстные эксцентрики Кобякъ; 6) лир. пѣв. г-жи Нодстремъ; 7) танц.-эксц. г. и г-жи Хопкинсъ; 8) знаменит. гимнасты бр. Пандосъ; 9) французская пѣвица г-жа Абдала; 10) изв. малор. капеллы г. Аквамарина. Цыганск. хоръ Вари Панниной. Венгер. хоръ Н. Лефлеръ. Концертный орк. г. Спѣвако. 609—4—4

Честь имѣю извѣстить
МНОГОУВАЖАЕМЫХЪ ГОСПОДЪ ПОКУПАТЕЛЕЙ:
МАГАЗИНЪ
МОДНЫХЪ ТОВАРОВЪ
ІОСИФА МИХАЙЛОВА,
находящійся въ Александровскомъ пассажѣ,
СЕГО 23-го ФЕВРАЛЯ БУДЕТЪ ПЕРЕВЕДЕНЪ
въ торговую галлерею Голофтѣева
(рядомъ съ Александровскимъ пассажемъ).
Подъѣздъ противъ Большого театра, 1-й магазинъ направо.
Съ искреннимъ уваженіемъ, готовый къ услугамъ
ІОСИФЪ МИХАЙЛОВЪ.
13339—4—3

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. СЫТИНА
ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ БРОШЮРА
А. СТАХОВИЧА:
„ВОЗРАЖЕНІЯ ПРОТИВЪ ДОВОДОВЪ СТОРОННИКОВЪ ТОТАЛИЗАТОРА“.
Цѣна 10 коп.

МАГАЗИНЫ
А. БАСКАКИНЪ и СЫНЪ.
Иностранныя вина
ЗА ТАМОЖЕННОЮ ПЕЧАТЬЮ. Телефонъ №. 586. 13325—5—4

СТУДЕНТЪ
ищетъ урок., готов. на аттест. зрѣлости. Адр «Русское Слово», Н. А. С. 49—3—2

ТРЕБУЙТЕ для смягченія КОЖИ ЛИЦА и РУКЪ
КРЕМЪ ОРИЗА
Проф. В. Шмоль

ЗУБНАЯ ЛѢЧЕБНИЦА Тверская (уг. Газет. п.), д. Матейсена. лѣч., пломб., удал. безъ боли, искусств. зуб. (Плата по таксѣ). Приним. врачи и зубн. вр. съ 9 час.—6 час. Совѣтъ лѣч. 50 к. 13281-200-

Молодой, интеллигентн. человѣкъ убѣдит. проситъ интеллиг. труда за скромное вознагражд. Адрес.: редакція «Русск. Слово», № 216, В. І. А. 034—3—1

Памяти Николая Васильевича Гоголя.

* * *

Да, вотъ она, вся Русь, какъ подъ жезломъ у мага:
И Днѣпръ сіяющій, и весь просторъ степной,
Казацкой вольницы могучая отвага,
За родину съ врагомъ геройскій смертный бой.
А вотъ иная жизнь: ни подвиговъ, ни славы,—
Тьма слабыхъ жалкихъ душъ, да цѣпь угрюмыхъ дней;
Не удаль буйная, не битвы пиръ кровавый,
Но лишь вседневный плачъ и сѣрый трудъ людей.
А вотъ—усадебъ рядъ, какъ совъ зловѣщихъ гнѣзда,
Какъ гробы съ трупами... Надъ ними—ночи мгла,
Та ночь—невѣжество! Не блещутъ правды звѣзды
Средь мрака, ливня слезъ, безправія и зла!
Живая мысль въ плѣну, разсудокъ и мышленья
Еще своей тропы не въ силахъ проложить
Въ то царство темное слѣпого отупѣнья,
Гдѣ только могутъ ложь и произволъ царить.
Да, вотъ она, вся Русь—въ твореніяхъ поэта,
Вся Русь унылая прошедшихъ темныхъ лѣтъ,
Когда еще лучомъ великаго разсвѣта
Палъ рабствомъ не блеснулъ свободы дивный свѣтъ!
Созданья генія, какъ въ зной палящій, грозы,
Какъ громъ живительный, промчались надъ землей.
Въ солнца лучъ съ дождемъ, сверкаютъ смѣхъ и слезы
Въ безсмертныхъ образахъ и рѣчи огневой.

ЕЛ. БУЛАНИНА.

Великій учитель.

Въ № 25 (стр. 253) *Моск. Вѣдомостей* за 1852 г. (вышелъ во вторникъ 26-го февраля) подписчики читали:

„Въ воскресенье, 24-го февраля, послѣ божественной литургіи происходило отпѣваніе тѣла Николая Васильевича Гоголя, въ присутствіи г. градоначальника Москвы, его сіятельства графа А. А. Закревскаго, его п—ства г. попечителя московскаго учебнаго округа В. И. Назимова, многихъ почетныхъ лицъ столицы, при многочисленномъ стеченіи чтителей памяти покойнаго, наполнявшихъ обширную церковь университета. Предъ окончаніемъ литургіи было сказано протоіереемъ Богдановымъ надгробное слово. По окончаніи печальнаго обряда, гробъ былъ вынесенъ изъ церкви профессорами и потомъ до самаго Данилова монастыря, не взирая на неудобства пути, былъ несенъ на рукахъ, преимущественно студентами, въ сопутствіи множества лицъ, усердствовавшихъ проводить тѣло усопшаго до мѣста его послѣдняго успокоенія.

Гоголь скончался вдали отъ родныхъ, но вотъ вокругъ его гроба стѣснилось это множество лицъ, которыхъ большая часть и не видала его при жизни. Всѣхъ собрало одно чувство, всѣ стеклись отдать послѣдній долгъ человѣку, ознаменовавшему себя скромною дѣятельностью писателя; всѣ навѣрное принесли съ собою искреннюю молитву, искреннюю думу (?) о почившемъ. Слезы, которыя были здѣсь замѣчены, не могли имѣть иного источника, кромѣ истинной скорби объ утратѣ человѣка всѣмъ равно близкаго“.

Эти сухія и некраснорѣчивыя строки *) мы можемъ дополнить на-дняхъ нами слышаннымъ разсказомъ одного почтеннаго дѣятеля по народному образованію, который присутствовалъ на похоронахъ Гоголя.

„Я былъ въ послѣднемъ классѣ Л... института въ Москвѣ и уже нѣсколько лѣтъ зачитывался Гоголемъ; собраніе его сочиненій было, можно сказать, моею настольною книгою, хотя это очень не нравилось нашему инспектору, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ умному и вполнѣ порядочному человѣку. Въ субботу узналъ я, что Гоголь неожиданно умеръ и что его будутъ завтра отпѣвать въ университетской церкви. Утромъ, надѣвъ полную форму, я отправился въ университетъ; изъ-за моего мундирчика и малаго роста меня легко пропустили впередъ и я сталъ шагахъ въ десяти отъ гроба, а когда обѣдня стала подходить къ концу, въ церкви набралась такая толпа, что меня притиснули почти къ самому катафалку, и я ясно видѣлъ исхудавшее лицо покойника, окруженное лаврами и цвѣтами. Отъ духоты и, можетъ быть, отъ горя одному изъ профессоровъ сдѣлалось дурно, это былъ, какъ узналъ я тутъ же, С. П. Шевыревъ, близкій пріятель Гоголя. Слезъ ни на чьихъ глазахъ я не видалъ, а только выраженіе какого-то торжественнаго *общаго* огорченія отъ незамѣнимой потери. Когда стали прощаться съ покойникомъ, я воспользовался моей близостью къ гробу и простился одинъ изъ первыхъ и при этомъ захватилъ *на память* порядочный пукъ цвѣтовъ и лавровыхъ листьевъ. Почти всѣ послѣдовали моему примѣру. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подошла дама лѣтъ подъ сорокъ, съ красивыми глазами.

— Молодой человѣкъ! — сказала она мнѣ,—удѣлите мнѣ часть вашихъ цвѣтовъ, я уже не могла получить ни листика.

Я отдѣлилъ добрую половину и подалъ ей.

Она ласково поблагодарила и назвала свою фамилію; это была графиня Ростопчина.

Ничего другого не осталось въ моей памяти отъ этого дня, все значеніе котораго я понялъ много позднѣе. Помню только плохую литографію, которая изображала больного Гоголя сжигавшаго 2-ю часть „Мертвыхъ душъ“. Всѣ, конечно, глубоко жалѣли о гибели великаго произведенія, но всѣ были убѣждены, что эта 2-я часть „похожденій Чичикова“ была такая же умная и „смѣшная“ книга, какъ и извѣстная намъ первая часть“.

Такъ отнеслась къ смерти Гоголя русская учащаяся молодежь. Старшее поколѣніе разбилось на два лагеря. Взглядъ одного выразилъ И. С. Тургеневъ въ извѣстной статьѣ, за которую ему пришлось поплатиться арестомъ на съѣзжей и высылкой изъ Петербурга. Мнѣнія крайней *правой*, если только не грѣхъ примѣнить здѣсь такое названіе, выразилъ Ѳаддей Булгаринъ въ письмѣ къ Хавскому (оно писано немедленно послѣ смерти Гоголя и напечатано въ *Русской Старинѣ* 1872 г. № 5, 481—2): „Безъ сомнѣнія, занятые вашими... изысканіями и юриспруденціей, вы никогда не читали ни благовонныхъ сказокъ Гоголя, которыя онъ самъ справедливо характеризовалъ въ своемъ сочиненіи: „Переписка съ друзьями“, ни мнѣній о Гоголѣ *Сѣверной Пчелы*... Сравнивать Гоголя съ Карамзинымъ грѣхъ и смѣхъ! Никто не нанесъ пагубнѣйшаго удара чистотѣ, правильности русскаго языка и изящному вкусу, какъ Гоголь. Партія *натуральной школы* возвеличила его, а почести, оказанныя ему въ Москвѣ, не дѣлаютъ чести ея литературному вкусу“.

Былъ ли искрененъ Булгаринъ въ своей *жеетокой* оцѣнкѣ Гоголя и *литературнаго вкуса* Москвы? Мы думаемъ — да (конечно, не столько, насколько онъ былъ способенъ по своимъ манерамъ и привычкамъ, говорить правду) и основываемся именно на мнѣніяхъ *Сѣверной Пчелы*, которая и по поводу „Ревизора“, и по поводу „Мертвыхъ Душъ“ и, наконецъ, по поводу „Переписки“ признавала въ нихъ авторѣ крупный литературный талантъ (какая добрая!), большую творческую силу, но только *дурно*, т.-е. не по-булгарински направленную.

Что сказалъ бы Булгаринъ, еслибъ кто нибудь предрекъ ему, что черезъ 50 лѣтъ нелѣпый литературный вкусъ Москвы сдѣлается всероссійскимъ и даже всемірнымъ и что писатель, котораго, по его убѣжденію, „смѣхъ и грѣхъ“ сравнивать съ Карамзинымъ, будетъ признанъ за великаго учителя и главу того періода русской литературы, когда она достигла первенствующаго значенія среди всѣхъ европейскихъ литературъ, передъ которыми Булгаринъ пресмыкался въ прахѣ, не смѣя и мечтать о малѣйшемъ знакѣ вниманія?

Ударилъ бы руками объ полы когда-то знаменитый романистъ и критикъ и проклялъ бы всю свою дѣятельность отъ перваго ея шага до послѣдняго. Во-время и для самихъ себя сходятъ люди со сцены!

Нынѣшняго своего значенія Гоголь достигъ, конечно, не сразу, но скоро, скорѣе даже, чѣмъ его великій наставникъ и благодѣтель Пушкинъ.

Булгаринская оцѣнка еще находила себѣ немногочисленныхъ сторонниковъ въ первыя семь-восемь лѣтъ послѣ смерти Гоголя, но затѣмъ лагерь ихъ въ одно прекрасное утро оказался пустымъ поселкомъ, всѣ жители котораго вымерли или выселились, по которому бродили только нѣсколько одичалыхъ собакъ.

Вся литература блаженной памяти „шестидесятыхъ“ годовъ, вся такъ называемая гуманно-обличительная литература „эпохи великихъ реформъ“ исходитъ изъ Гоголя и по содержанію, и по своей свободной и откровенной формѣ. „Мы всѣ учились по „Шинели“ Гоголя“, говоритъ наиболѣе художественный писатель того времени Тургеневъ. Кто можетъ сомнѣваться въ огромномъ вліяніи Гоголя на Достоевскаго, первыя повѣсти котораго есть не что иное, какъ переработка сюжетовъ Гоголя? Столько же почти ясна связь Гоголя съ Островскимъ, Гончаровымъ, Львомъ Толстымъ и лучшими современными писателями. Это все одна добрая школа, усердные ученики которой стремятся итти по дорогѣ учителя, но дальше и сознательнѣе его.

Въ 50 лѣтъ послѣ смерти Гоголь покорилъ себѣ нашу словесность, завоевалъ нашу школу и на-дняхъ завоюетъ симпатію всего народа русскаго: пятидесятилѣтіе со дня смерти писателя, по нашимъ законамъ о печати, это тотъ моментъ, когда произведенія писателя перестаютъ быть собственностью его наслѣдниковъ и становятся достояніемъ всеобщимъ: ихъ печатаетъ всякій, кто хочетъ, и всякій, конечно, для своей же выгоды старается продавать ихъ подешевле.

Въ 1887 году достояніемъ народа русскаго сталъ Пушкинъ, произведенія котораго разошлись въ первые года въ милліонъ экземпляровъ. Теперь съ нимъ рядомъ становится Гоголь. Такими двумя учителями могутъ похвалиться немногіе народы!

А. И. КИРПИЧНИКОВЪ.

*) Въ № 24 (стр. 243) тѣхъ же *Моск. Вѣд.* была помѣщена несравненно теплѣе написанная замѣтка о кончинѣ Гоголя, гдѣ говорится «о безсмертныхъ заслугахъ» покойнаго и его громадномъ вліяніи на умы.

ТРАГЕДІЯ ГОГОЛЯ.

«Однажды человѣкъ пришелъ къ человѣку и сказалъ ему:
— «Вѣдь, я тоже человѣкъ!»
Начало легенды „о властителѣ всей Индіи и самомъ послѣднемъ нищемъ“.

Каминъ полыхалъ.

Пламя охватывало исписанные листы бумаги,—и по стѣнамъ темной комнаты дрожалъ его красный отблескъ.

Красный, кровавый, зловѣщій.

Словно отблескъ сатанинскаго пламени.

Словно кусочекъ ада бушевалъ за желѣзной рѣшеткой камина.

Передъ каминомъ, сгорбившись, сидѣлъ Человѣкъ, жалкій, великій, несчастный, избранникъ небесъ, измученный и властитель душъ.

И ему казалось, что это не пламя беретъ и уничтожаетъ исписанные листы,—что сатана схватываетъ каждую строку.

И онъ, съ ужасомъ глядя на огонь, шепталъ тонкими, блѣдными, дрожащими губами:

— Оставь меня, сатана!

А сатана былъ кругомъ, вездѣ.

Сатанинскія слова чернѣли на бѣлой бумагѣ.

Сатана былъ въ немъ самомъ, наполнялъ его душу.

Человѣкъ глядѣлъ на горѣвшіе листы.

Знакомыя имена, слова ярко освѣщались огнемъ и исчезали въ пламени.

Сколько минутъ смѣха, веселья, вдохновенья,—сколько сладкихъ минутъ творчества и радостныхъ, подступавшихъ къ горлу, слезъ—исчезало въ огнѣ.

И Человѣку было такъ страшно, страшно жаль этихъ горѣвшихъ въ огнѣ листовъ.

Жаль этихъ сатанинскихъ писаній.

— Отступись, отступись отъ меня, сатана!—шепталъ онъ, съ ужасомъ чувствуя, что жалѣетъ горѣвшіе листы.

И, борясь съ грѣшной жалостью, онъ вызывалъ образы милыхъ, добрыхъ, праведныхъ, благочестивыхъ людей, которымъ будетъ радостна гибель твореній сатаны.

— Я возрадуюсь съ вами, любимые мои!

И они проходили передъ нимъ, со смиренными лицами, пахнущіе немного ладаномъ, немного деревяннымъ масломъ.

Человѣкъ улыбался имъ, они были милы ему.

И что-то забавное сквозило въ ихъ милыхъ чертахъ, въ ихъ постныхъ фигурахъ.

Словно умиленныя просвирни!

Какъ забавны, какъ комичны онѣ, съ ихъ ханжествомъ, съ ихъ перепуганными лицами, съ ихъ маленькими, куриными мозгами.

Какъ жалки, какъ ничтожны!

Какъ милы и ничтожны!

И они обращались въ художественные образы, забавные, жалкіе, смѣшные,—и Человѣкъ улыбался, думая о тѣхъ курьезныхъ фигурахъ, которыя онъ создаетъ изъ нихъ.

И онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, поймалъ себя на этихъ мысляхъ, на этомъ смѣхѣ.

— Оставь, оставь меня, сатана!

А изъ темныхъ угловъ комнаты, освѣщенныхъ дрожащимъ краснымъ пламемъ камина,—выходили фигуры карликовъ, маленькихъ, несчастныхъ, оплеванныхъ.

Они имѣли видъ уничтоженныхъ, жалкихъ людей.

Шелъ городничій, и мундиръ висѣлъ на немъ, какъ тряпка, шпаженка болталась и путалась сбоку. Поздневъ имѣлъ сконфуженный видъ. Маниловъ со слезами на глазахъ велъ за руку жену, не смѣя взглянуть на нее отъ стыда. Собакевичъ не зналъ, куда дѣвать глаза. Бѣдняга мичманъ Жевакинъ не могъ найти себѣ мѣста.

И эти маленькіе люди подошли къ большому, къ великому человѣку и подняли на него глаза и сказали:

— Вѣдь мы тоже люди! Развѣ виноваты мы въ томъ, что мы пошлы, глупы или ничтожны? Мы не виноваты въ этомъ! Мы жалкіе и несчастные, — но братья твои. А ты, ты, великій человѣкъ... Какъ орелъ парящій въ небесахъ... Что ты сдѣлалъ для насъ? Ты осмѣялъ насъ, ты съ хохотомъ остановился надъ нашей скудостью, надъ нашимъ убожествомъ. Ты пригвоздилъ насъ страшнымъ и жгучимъ словомъ твоимъ. Пусть всѣ, пусть весь міръ хохочетъ надъ жалкими братьями твоими! Ты бичевалъ насъ смѣхомъ твоимъ!

И жалкая толпа оплеванныхъ людей стояла передъ великимъ человѣкомъ и съ укоромъ, со слезами глядѣла на него.

— Все, все обнажилъ! До стыда, до боли обнажилъ! — раздался болѣзненный, мучительный крикъ изъ толпы.

И великій человѣкъ съ ужасомъ смотрѣлъ на толпу маленькихъ людей.

Онъ узнавалъ ихъ.

Узнавалъ каждаго изъ нихъ.

И мало-по-малу ихъ огорченныя лица начинали казаться ему забавными.

Городничій смотрѣлъ сокрушенно.

Великому человѣку показалось, что Сквозникъ-Дмухановскій сейчасъ скажетъ:

— Чина, званія не пощадилъ!

Но съ устъ городничаго вырвался такой глубокій, такой человѣческій вздохъ.

Старикъ Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ укоризненно.

Казалось, онъ скажетъ сейчасъ:

— А что касательно будто бы Гапки, милостивый государь мой, сіе, какъ персонально чести моей касающееся...

Но по его старческимъ щекамъ текли слезы, а дрожащими губами онъ прошамкалъ:

— За что-съ? За что?

И Человѣкъ въ ужасѣ, въ ужасѣ отъ смѣха, зазвучавшаго было снова въ его душѣ, вскочилъ:

— Оставь, оставь меня, сатана!

И кинулъ въ огонь всѣ рукописи, которыя лежали на полу около его кресла.

— Возьми, возьми свое, сатана! И оставь, оставь меня!

И полный ужаса предъ сатаной, который наполнялъ его душу, — Человѣкъ, жалкій, великій, несчастный, избранникъ небесъ, рыдалъ, стоя на колѣняхъ, молился, дрожалъ.

— Оставь, оставь меня, сатана!

А сатана былъ его талантъ.

В. ДОРОШЕВИЧЪ.

СУДЬБА ГЕНІЯ.

По случаю торжественнаго чествованія памяти Н. В. Гоголя не лишне, быть можетъ, припомнить, что 50 лѣтъ назадъ за горячій некрологъ Гоголя Тургеневъ былъ высланъ изъ Петербурга. Перечитывая этотъ некрологъ, недоумѣваешь, за что автора постигла кара. Правда, некрологъ написанъ горячо, страстно, какъ могъ написать только большого таланта человѣкъ, который чувствовалъ, какую утрату понесла литература. Но и только. Прибавьте къ этому, что въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь ударился въ мистицизмъ, въ отреченіе, сжигалъ свои рукописи, а къ тому, что сжечь уже не могъ, присочинялъ комментаріи, какъ къ „Ревизору“, и видѣлъ въ Сквозникъ-Дмухановскихъ, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ и Держимордахъ не живую, въ лицахъ, исторію россійскаго города, „откуда хоть три года скачи, ни до какого царства не доскачешь“, а нѣкоторый, аллегорическій „внутренній городъ“, что подало поводъ Щепкину написать Гоголю скорбное и трогательное письмо. И тѣмъ не менѣе, даже репутація автора „Переписки съ друзьями“ не спасла Тургенева отъ взысканія.

Я хочу видѣть въ этомъ эпизодѣ не что иное, какъ, вообще, указаніе на положеніе, роль и характеръ генія. Геній и современность — это „антиномія“, существенная, по духу и составу, противоположность. Вся суть генія въ томъ, что онъ „не во благовреміи“ существуетъ; что онъ непонятенъ большинству, что онъ слишкомъ рѣзко, крикливымъ пятномъ, выдѣляется на фонѣ дѣйствительности.

Читая біографію Гоголя, я почти былъ готовъ отказаться отъ мнѣнія объ его геніальности. Вещь, дѣйствительно, неслыханная: „Ревизоръ“, пьеса полная ѣдкаго и глубокаго обличенія, разрѣшается къ